

«Сквозь опрокинутость небес...»

В своей первой книге стихов Тамара Шульга заявила читателю: «Во имя новых городов — за нами ляжет магистраль». Называлась эта книжка романтично — «Летящие кони» (Хабаровск, 1977), а общий ее настрой был созвучен умонастроению большинства молодых бамовцев — «всё впереди, всё еще будет!» Заявка получилась интересной, но уж больно маленькой вышла книжечка, всего-то двадцать девять стихотворений. И вряд ли она полностью отражала многообразие духовной жизни автора. Правда, и времени на творчество почти ведь не было: стройка действительно разворачивалась грандиозная...

И перед Тамарой вставали вопросы быта, а равно и бытия. За плечами остались школьные годы, проведенные на железнодорожной станции Заринская Алтайского края, учеба в Барнаульском строительном техникуме, работа в институте «Алтайколхозпроект». И вот — новое дело. Пригодится-ли она на строительстве железной дороги? Найдет ли ту точку опоры, с помощью которой хотелось перевернуть свой душевный мир, потрясенный первыми столкновениями идеалов и суровой действительности? В чемодане лежала тоненькая тетрадка стихов, кое-какие из них она уже успела опубликовать в газете «Молодежь Алтая».

Поселок Тындинский принял Тамару спокойно, как и десятки других искателей счастья. Первые два года были вполне размеренными, бровастый генсек не успел благословить комсомолию на съезде, стройку еще не всколыхнул массовый приток энтузиастов. Любопытно, что именно пионеры БАМа и оказались впоследствии его старожилками. Начинала Т. Шульга рядовым инженером в управлении строительства «Бамстройпуть». Перед ней в чертежах разворачивались контуры будущей дороги, воскресающей после бамлаговских, а затем уже военных лет, периода восстановления и накопления сил. Командировки на трассу, неустроенный быт «столицы БАМа», новые знакомства, масса впечатлений вновь заставили ее взяться за перо.

Не секрет, что многие новоявленные ба-
мовцы семидесятых годов своим приездом
на строительство пытались стряхнуть с
себя груз ошибок и разочарований прожи-
тых лет, забыть о случившихся потерях. Ро-
мантический пафос массового вторжения
на север Забайкалья и Приамурья кружил
головы молодым журналистам... «Бредить
стихами» — на это способна одна лишь
бескорыстная юность. С 1974 года пять раз
прошла Тамара по кругу, которого иным
«варягам» хватило, чтобы обзавестись ков-
рами, «Жигулями» и прочими благами. Но
не помыслила уехать с БАМа.



Тамара Шульга,
1980-е гг.

Семь лет минуло после дебюта «Летя-
щих коней», и вот состоялась новая встреча с читателем: вышла вто-
рая книжка в издательстве «Современник» в 1984 году — «Майский
снег».

В этой книжке перед всесоюзным читателем предстала интерес-
ная и откровенная собеседница. Пожалуй, как никогда раньше, верна
Тамара Шульга нравственной установке, провозглашенной ее сорат-
ницей по тындинской литстудии «Звено» Надеждой Пузыревской, о
«боязни слов пустых и громких, красивых фраз на злобу дня». Гром-
кие слова претят ей, ценность людей определена поступками.

Мои друзья — градостроители
с морщинками у жестких губ,
они такое в жизни видели,
что вряд ли где-нибудь солгут.

В стихотворении «Тында» воспоминания о трудностях первоу-
стройства, когда едва ли не главной радостью было то, что в осеннее
ненастье не протекает палатка, соседствуют со словами гордости за
свой «настоящий город», в котором этажи новой Красной Пресни воз-
неслись «до туч лохматых», а люди загадывают жить так прекрасно и
впредь «сто лет, не меньше».

Однако ошибется читатель, вздумавший с ходу, что, взяв в руки
книги Шульги, он заполучит поэтическую хронологию строитель-
ства Байкало-Амурской магистрали. Если в первом сборнике только

однажды упоминалось это магическое слово — «магистраль», то во второй и подавно. Ее главное правило очень простое: не писать о том, чего не знаешь и чему не был свидетелем. Вот почему мы не найдем у Т. Шульги живописаний стыковок «серебряных» и «золотых» звеньев, картин «покорения» природы, парадных репортажей и портретов бамовских знаменитостей... Читая ее стихи, невольно приходишь к мысли, что это очень похоже на задушевный разговор с самыми близкими людьми, перед которыми совершенно невозможно и глупо красноречивать, которым не нужно долго объяснять что к чему, а можно сразу о главном, о наболевшем.

Книга получилась лирико-философской и в значительной степени исповедальной. Круг ее тем невелик: совсем немного стихотворений о БАМе (в первую очередь — о Тынде), воспоминания о родном Алтае, цикл стихов о детстве, раздумья о творчестве и о любви.

Творческому почерку Т. Шульги свойственны короткие, энергичные строчки, миниатюрные — восьми- и двенадцатистрочные — стихотворения, так похожие на слепки состояния души или на моментальные фотографии. Шульга не страдает комплексом надмирности, не склонна поучать, ибо сама во многом сомневается, многому удивляется...

Встану утром рано-рано,

тихо шторы отведу:

осторожные туманы

по утрам живут в саду...

Все таинственно и странно

сквозь прохладное стекло.

Неужели от тумана

на душе светлым-светло...

Многочисленные отточия в стихах как бы подчеркивают смысловую неограниченность, заставляют подумать: а что же осталось «за кадром», за словно бы оборванной строкой?

И все-таки «Майский снег», на мой взгляд, не был лишен недостатков. Говорю так не по обязанности критика, а по прямому долгу давнишнего товарища автора. Почти все стихи Тамары мне довелось в свое время читать в рукописях, когда на занятиях в литстудии «Звено» закоперщик всех дел и добрый наставник молодых и немолодых начинающих поэтов Олег Федотович Головкин, замести-

тель начальника дирекции БАМа, тщательно препарировал строчки собратьев, вылавливая в них редкие жемчужные зерна. У Шульги они были видны даже при свете свечей, которые мы возжигали не ради романтического интима, а потому что в студеные зимние дни частенько отключали электроэнергию в жилой части Тынды, чтобы сохранить свет и тепло на пусковых объектах, строительство которых велось круглосуточно.

Едва ли не половина сборника «Майский снег» отдана стихам о любви. Лично у меня остается неудовлетворение при чтении этого цикла. Меняется от стихотворения к стихотворению погодный антураж (снега, туманы, дожди и солнечные дни), а позиция автора, варьируясь лишь интонационно, остается неколебимо жертвенной, страдальческой: «если б знать, когда расстаться, чтобы быть с тобою вечность...», «не трогай ничего, что было...», «не надо жалеть ни о чем...», «давай друг друга отпустим, как отпускают любимых...», «полюби, погуби, но не мучай, не мучай...», «не замечай меня, иди...», «я жива дикой болью подстреленной птицы...», «ничего не жалею, ни о чем не скорблю...» — и так далее. Монотонность неменяющегося чувства убаюкивает, притупляет остроту душевной боли... Конечно, трудно после Ахматовой и Цветаевой найти особую линию своего лирического поведения. Но искать необходимо. Свое, только свое.

И все-таки в целом вторая книга оставила ощущение, говоря словами автора, «чувства солнца и удачи». Светлым чувством окрашены стихи Т. Шульги, воскрешающие ее собственное детство и посвященные сыну Димке. Они составляют, пожалуй, один из самых удачных разделов книги.

Едва на дно хрустальной вазы
проник рассветный тонкий луч —
проснулся мальчик сероглазый
веселым солнцем из-за туч.
На целый миг в огромном мире
ко мне головкою приник...
И загремел по всей квартире
его железный грузовик.

Третья книга Тамары Шульги «Свет на ладони» появилась в 1986 году в Хабаровске. Получилось нечто вроде избранного, только более расширенного по составу в сравнении с «Майским снегом». В пись-

мах последних лет (с позволения Т. Шульги я процитирую кое-что из них) настоящий калейдоскоп переживаний: «Когда слышишь свои стихи из чужих уст, недостатки видней...», «Иногда устаю так, что начинаю подумывать, а не избавиться ли от стихов? В конце концов, большинство женщин живут и здравствуют без этих мук. Даже уже пыталась, но тогда я перестаю быть собой и вообще быть человеком...», «Попробовала не писать — не смогла, так как для меня это — форма существования...», «Если у человека она (жизнь. — *И. И.*) безупречна — это уже не жизнь, а таблица умножения...», «Я все делаю попытки вырваться из своих восьми строк...», «Жить стало интересней, только уж очень сутки коротки...»

Иногда поэтов на литвечерах вопрошают вполне искренне, что является главным в их творчестве. Применительно к Тамаре Шульге это означает, что от нее ждут ответа, в котором названо будет нечто бамовско-экзотическое. А что? Действительно, экзотика наличествует, ведь пишет же человек: «На закате осенней порой / обронила птица перо. /И, качнув облака и ветви, /подхватил его сизый ветер / и носил над сушей и морем...» Но одновременно кажется, что поэт чего-то недоговаривает, утаивает что-то... Значит, не всеми болезнями роста переболела Тамара. Не от упрямства ли это? Ведь признается же она, что ею движет стремление «опять идти на свет той звезды, которой нет...»

С годами в ее стихи все больше входят простые предложения, которые делаются поэтическими лишь в контексте конкретного стихотворения. Извлеченные оттуда, они теряют цвет и жизнь, подобно тому, как радужный хариус, выхваченный из студеной стремнины, на глазах угасает... На палитре Тамары Шульги в основном акварельные краски, но и они способны создавать мощные цветовые аккорды.

А что любовь?

Всего лишь дождь.

Короткий дождь в начале лета,

которого всю зиму ждешь

и сам не ведаешь про это.

Бывает гром и молний блеск,

и ветры стонут и гудят,

и неба рухнувшего треск...

А после — тихий шум дождя.

И пятнадцать лет назад было видно, что стихи Тамары Шульги — настоящая поэзия, только это золото не коренное, подобное жале в скале, а крупинки самородного россыпного. Всего лишь три книжки вешками стали на немалом уже пути. Привыкли у нас издатели держать поэтов в черном теле: в одни убытки обходится, мол, печатание их книжек. Но кто посчитал, какими моральными, духовными убытками оборачивается подобная «экономия»? Вот и стоят молодые талантливые стихотворцы, дыша друг другу в затылок, годами в долгой очереди, ожидая свои два-три печатных листа опубликованных стихов.

«Стихов не пишу. Читаю детективы...» — это из письма Тамары уже после ее приема в Союз писателей. Конечно, для отработавшего день на производстве человека и такого чтения вполне достаточно для внутреннего, так сказать, удовлетворения. А у меня сжимается сердце: ведь это говорит человек, отмеченный знаком поэтического дара, способный нести в себе людскую боль (а что такое поэзия, как не выражение боли?). Еще ей хватает сил на грустную улыбку: «Ветер срывался со скал, сединой меня метил, морозом ласкал...»

Да, нелегкая это доля — «жить в феврале», на «стылой земле». Но в том-то и дело, что земля эта — родная, неповторимая, незаменимая...

Журнал «Дальний Восток», № 11, 1989 г.